

2. «Расстрелянная Красная Армия»

Сегодня, как никогда прежде, в огромном количестве советских публикаций поднимается долгое время бывший запрещенным вопрос о причинах катастрофы первых месяцев войны. Все они подтверждают то, что писал в 60-х гг. А.Некрич

(«Расстрелянная Красная Армия»): вся ответственность за военные поражения СССР в 1941 г. лежит на руководстве партии, и прежде всего — на Сталине.

Эту ответственность составляют следующие четыре аспекта: полностью не соответствовавшие ситуации военные концепции; глобальная ошибка в оценке нацистской угрозы в июне 1941 г.; ущербная (слишком отстающая и неполная) политика в области вооружений; глубокая дезорганизация командного состава вследствие чисток 1937 — 1938 гг.

Военные концепции Сталина строились, исходя из трех идей: Советскому Союзу никогда не придется вести боевые действия на своей территории; готовиться следует к наступательной войне; любая агрессия против СССР будет немедленно остановлена всеобщим восстанием западного пролетариата. Как следствие, вся советская военная тактика и расположение войск исходили из задач наступательной войны. Так, пограничные укрепления на линии 1939 г. (так называемая «Сталинская линия») были демонтированы, хотя новая граница таковых еще не имела. Войска были расквартированы за многие сотни километров от границы. Все это позволило немцам с первых дней войны очень быстро продвигаться в глубь советской территории.

Одним из важнейших факторов, определивших ответственность Сталина, был его отказ принимать всерьез многочисленные донесения, которые с начала 1941 г. предупреждали о скором фашистском вторжении в СССР. Одни из них поступали от советских военных, сообщавших Сталину о сосредоточении на западной границе 120 немецких дивизий (доклад Генштаба от 6 июня), о нарушениях воздушного пространства СССР немецкими самолетами (более 150 с января по июнь). Другие приходили от секретных агентов (таких, как Зорге, который начиная с 15 мая «выдавал» из Токио дату 22 июня), из британских (13 апреля Черчилль предупредил по дипломатическим каналам Сталина о неизбежности немецкого нападения) и американских источников. До самого вторжения Сталин пребывал в уверенности, что эти сообщения были не чем иным, как английскими «провокациями», направленными на то, чтобы заставить его открыть второй фронт и облегчить тем самым положение Англии в войне. «Исходящими из кругов, заинтересованных в расширении войны», «абсолютно лишёнными оснований» объявлялись в сделанном по его указанию заявлении ТАСС (14 июня) слухи об агрессивных намерениях Германии в отношении СССР.

До последнего момента Сталин отказывался дать приказ о приведении в боевую готовность и переброске войск, о начале мобилизации, на которых настаивало высшее военное руководство. Даже прифронтовые мосты не были заминированы. В день вторжения командующие атакуемых приграничных военных округов в течение нескольких часов не получали ответов на свои запросы. Только через четыре часа после начала агрессии нарком обороны наконец дал требуемый приказ об ответных — и ограниченных — действиях. Распространению неразберихи и смятения в немалой степени способствовали противоречивые приказы и туманные, выжидательные указания, отдаваемые в эти решающие часы. Вечером 22 июня, когда немецкая армия, форсировав Неман, осадила Брест и двигалась на Львов, командование РККА направило в войска директиву о «переходе в наступление» — самоубийственный приказ, посылавший в неминуемое окружение сотни тысяч человек. Германское нашествие — в этом единодушны все свидетельства, — казалось, полностью лишило Сталина воли и дееспособности. Лишь через двенадцать дней, 3 июля, он оказался в состоянии выступить с обращением к народу. На целую неделю даже имя его исчезло с газетных полос. Создается впечатление, что реально во главе потерявшего управление государства в те дни находились нарком обороны С.Тимошенко и начальник генштаба Г.Жуков.

Несмотря на достигнутый в 30-е гг. несомненный прогресс, оснащение Красной Армии современным вооружением страдало из-за отсутствия продуманной политики в этой сфере. Постоянное вмешательство Сталина в вопросы выбора новых типов вооружений часто приводило к плачевным последствиям. Пусть даже военный бюджет вырос с 1934 по 1939 г. в 7 раз — армия за этот период увеличилась с 900 тыс. до 5 млн. человек после принятия закона о всеобщей воинской обязанности. Что же касается военной промышленности, то до конца 1941 г. предпочтение в ней отдавалось массовому производству морально устаревшей техники, «поставленной в план» много лет назад (истребители И-16, сильно уступавшие немецким Ме-109, легкие танки

БТ-5, БТ-7, Т-26 и Т-27, средние — Т-28, тяжелые — Т-35). Все это были модели «вчерашнего дня», что и доказали первые дни войны. Только в первом полугодии 1941 г., под влиянием уроков финской кампании, производство новых образцов стало расти — прежде всего благодаря нажиму Жукова и замнаркома обороны Шапошникова. Запоздалые усилия принесли лишь частичный эффект: современными истребителями (Як-1, Лагг-3, Миг-3; выпуск последних составил 84 штуки в 1940 г. и 1950 — в первой половине 1941 г.) и танками (средние Т-34, тяжелые КВ) удалось вооружить всего 15% авиационных и 25% танковых частей. В своих мемуарах военные руководители вспоминают, что отказал Сталин и в поддержке, необходимой для производства ряда созданных лучшими конструкторами новых видов вооружений, таких, как реактивный миномет Костикова.

Равным образом невозможно пренебречь той ролью, которую в разгроме 1941 г. сыграла дезорганизация командного состава РККА после чисток 1937 — 1938 гг. Место уничтоженных репрессиями опытных военачальников заняли молодые командиры, под начало которых в первые месяцы войны были поставлены те из «вычищенных», кого освободили из лагерей с тем, чтобы бросить в пекло сражений. В результате на командных должностях в армии зачастую оказывались либо свежеиспеченные выпускники ускоренных курсов военных школ (к началу войны менее 10% командиров имели высшее военное образование, 75% из них, включая политработников, занимали свои посты менее года), либо люди, физически и психологически изломанные.